

В последние дни Шэнь Цинжань то и дело получал от Системы уведомления о начислении баллов. Изначально у него было пятнадцать тысяч баллов, а в последнее время баланс пополнялся лишь по мелочи: то плюс один, то плюс два, то плюс три.

К каждой записи о баллах прилагалось пояснение. От нечего делать Шэнь Цинжань открыл их посмотреть и обнаружил, что рыба и креветки в пруду начали спариваться и метать икру. Баллы начислялись только тогда, когда животное производило на свет потомство, — это означало, что оно действительно выполнило свою миссию, высвободилось из системы, и теперь его могли кормить другие люди.

И, разумеется, употреблять в пищу.

Посчитав баллы, Шэнь Цинжань понял, что примерно треть рыбы и креветок уже можно есть. Самки в большинстве своем все еще вынашивали икру, а вот самцы креветок, уже спарившиеся и оставившие потомство... Что ж, теперь он мог угостить Сюэ Фэйфэна огромным омаром!

Шэнь Цинжань пришел в неописуемый восторг. Он нашел в доме запылившуюся и ржавую вышивальную иглу и присел на корточки возле топки печи, намереваясь раскалить иглу докрасна и согнуть ее в рыболовный крючок. Жар от печи обжигал и иссушал руку; Шэнь Цинжань не выдержал и отдернул ее, хотя кончик иглы даже не успел покраснеть. Он попробовал прижать её большим пальцем к земле, но вышивальная игла была из хрупкой стали, которая скорее сломается, чем согнется.

— Чем ты занимаешься? — Сюэ Фэйфэн заметил, что лоб Шэнь Цинжана находится прямо напротив пышущей жаром топки, и протянул руку, чтобы смахнуть с него пот.

— Хочу сделать рыболовный крючок.

— Почему ты не попросил меня или Цзиньфэна? — Сюэ Фэйфэн забрал у него вышивальную иглу, зажал ее между указательным и средним пальцами и надавил большим: игла мгновенно изогнулась в безупречный крючок.

Шэнь Цинжань посмотрел на Сюэ Фэйфэна взглядом, полным восхищения:

— И правда, как же я сам не додумался?

Сюэ Фэйфэну эта похвала пришлась ужасно по душе. Он остро ощутил, что видеть Шэнь Цинжана в таком виде позволено только ему одному. Сжав подбородок юноши, он запечатлел на его губах поцелуй:

— Хотя нет, Цзиньфэна лучше не беспокоить. Если что-то нужно — обращайся только ко мне.

Губы Шэнь Цинжана сильно пересохли от жара печи, и прикосновение влажного языка Сюэ Фэйфэна принесло приятную прохладу. Он слегка приподнял голову и неосознанно приоткрыл рот, впуская Сюэ Фэйфэна внутрь.

Младший брат, только собравшийся войти в кухню, чтобы приготовить еду, увидел сидящую на корточках и целующуюся парочку. Он молча развернулся и ушел, опасаясь, что за помеху его просто-напросто поколотят.

Страсть между его братом и невесткой пылала жарче, чем хворост в печи. И как младшему брату, гоже ли ему не подбросить дров в этот огонь?

Сюэ Цзиньфэн мысленно прокрутил рецепт снадобья и преисполнился уверенности.

Шэнь Цинжань был скромным и застенчивым человеком, а во время поцелуев смущался особенно сильно. Краем глаза заметив проходившего мимо Сюэ Цзиньфэна, он тут же отпрянул от Сюэ Фэйфэна — при этом раздался легкий чмок, и его щеки вспыхнули пунцовым румянцем.

— Мы тут крючок делали... Пойдешь с нами ловить рыбу и креветок? — Да они правда всего лишь делали крючок!

Сюэ Цзиньфэн немного соблазнился предложением и взглянул на брата, спрашивая разрешения.

Сюэ Фэйфэн:

— Можно. Сходи накопай дождевых червей.

Шэнь Цинжань и Сюэ Цзиньфэн разом побледнели.

Дождевые черви — это слишком жутко.

Поплатившись за то, что помешал поцелую брата и невестки, младший братец с обиженным видом отправился копать червей.

Сюэ Фэйфэн со смешком обругал брата: «Никчемный», после чего с нежностью погладил Шэнь Цинжана по щеке:

— Не бойся, чуть позже я сам насажу червя на крючок, тебе нужно только не смотреть.

У пруда Шэнь Цинжань устроился на маленькой скамеечке с удочкой в руках.

Те рыбы и креветки, с которых еще не было снято ограничение системы, не клевали на наживку чужаков. Поэтому на крючки Сюэ Цзиньфэна и Сюэ Фэйфэна попадались только те, что уже освободились и годились в пищу.

Но с Шэнь Цинжанем все было иначе: на его крючок могла клюнуть абсолютно любая рыбина из пруда, хоть большая, хоть маленькая. Ему приходилось вытаскивать их и ждать вердикта системы — можно есть или нельзя. И если из пяти пойманных хоть одна оказывалась съедобной, это уже считалось хорошим уловом.

Как на грех, сегодня удача от него отвернулась: ни одна из пойманных рыб не подходила для стола. Шэнь Цинжань с азартом забрасывал удочку, а затем с сожалением выпускал очередную радужную форель обратно в воду. Раз за разом он повторял эти действия, занимаясь совершенно бесполезным трудом.

Он с завистью поглядел на садок Сюэ Фэйфэна:

— Какая же у тебя хватка! А у меня — ни единой.

Сюэ Фэйфэн быстро сообразил, в чем дело, и с трудом сдержал улыбку.

Шэнь Цинжань и Сюэ Фэйфэн одновременно вытащили по омару. С их яркими коричневатозелеными панцирями на вид они весили не меньше полцзиня. Но стоило улову Шэнь Цинжана показаться над водой, как Система бесцеремонно оповестила: «Этого тоже есть нельзя».

Шэнь Цинжань поджал губы, отбросил удочку прямо в воду, подбежал к Сюэ Фэйфэну со спины и, опершись о его плечи, радостно воскликнул:

— Вот этот точно будет пальчики оближешь! С чесночком! Обжаренный в масле! На пару! Или острый, с сычуаньским перцем!

Всего один омар, а планов на него — тьма! На самом деле Сюэ Фэйфэн никогда раньше не видел подобных раков, но, судя по словам Шэнь Цинжаня, кушанье обещало быть отменным. Мужчина поневоле задумался о том, как бы наловить побольше, например... спустить из пруда всю воду? Хотя нет, тогда Шэнь Цинжань точно на него ополчится.

Сидевший на противоположном берегу Сюэ Цзиньфэн сбился с толку, совершенно не понимая поступков своей невестки.

Поймает — и тут же выпускает, а потом всю нахваливает мастерство его брата! Даже в чиновничьих кругах не встретишь подобного подхалимства. Это что, какой-то новый способ публично демонстрировать свои чувства?

Не слишком ли слепое поклонение?

Сюэ Цзиньфэн опечалился до глубины души. Его родной брат, обычно не терпящий ни малейшей фальши, смотрелся невероятно довольным, словно и вовсе не замечал маленьких уловок Шэнь Цинжаня.

Младший брат усомнился, уж не галлюцинации ли у него.

Зря он сочувствовал брату — невестка и правда любила его от чистого сердца.

...

Сегодня ужин готовил младший брат. Шэнь Цинжань немного подумал и отправился в огород нарвать охалку бататных листьев. В прошлый раз блюдо из них получилось ужасным на вкус, и теперь он был полон решимости реабилитировать этот овощ.

Потратив пятьдесят баллов на покупку рецепта у бессовестной Системы, Шэнь Цинжань наконец узнал, что с черешков листьев необходимо снимать верхний слой жестких, прозрачных волокон, которые почти невозможно прожевать.

Бланшировать, измельчить чеснок, обжарить все вместе на сковороде, посолить и подать.

На столе красовались тарелка сочных зеленых овощей, парочка ароматных блюд — нежная рыба на пару, а также ярко-алые омары: с чесночным соусом и обжаренные в раскаленном масле. Кушанья радовали глаз, манили запахом и обещали незабываемый вкус.

В императорском дворце подавали бесчисленное множество изысканных деликатесов на нефритовых блюдах, но ни одного из трех сегодняшних кушаний Сюэ Цзиньфэн отродясь еще не пробовал. Нежные тушеные овощи обладали особым изяществом, а сочная рыба и мясистые раки поражали нежностью. Как же замечательно жить под крылом у старшего брата! Сюэ Цзиньфэн на одном дыхании умял три пиалы риса.

Шэнь Цинжань ел как обычно. Наблюдая, как Сюэ Цзиньфэн накладывает четвертую пиалу, он пришел к выводу, что затея соблазнить князя вкусной едой вполне выполнима, и осторожно завел разговор:

— А у тебя дома есть пахотные земли? Если тебе понравились эти блюда, я мог бы помочь тебе наладить урожай.

Все-таки у целого князя должно быть под управлением хотя бы тысяч пять му плодородной земли, верно?

Земель у Сюэ Цзиньфэна имелось предостаточно, вот только разве мог он позволить Шэнь Цинжаню батрачить на полях? Брат за такое с него шкуру спустит! Он соврал на ходу:

— Я все продал... Оу!

Получив под столом ощутимый пинок от брата, Сюэ Цзиньфэн толком не понял причины, но тут же поправился:

— ...а потом в другом месте купил шесть тысяч му.

Глаза Шэнь Цинжана вспыхнули.

Сюэ Цзиньфэн мгновенно сориентировался:

— Все равно я не имею понятия, как ими управлять. Не согласится ли невестка помочь мне с этим?

— С удовольствием, — сдержанно согласился Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн вмешался в разговор:

— Насколько я слышал от Цзиньфэна, в этом году все поля уже засажены. Примеешься за дело в следующем.

— Угу, — Шэнь Цинжань на этот раз не торопился, да и спешить было некуда. Земли Сюэ Цзиньфэна находились за пределами Минчжоу, так что для их обработки пришлось бы отправляться в дальний путь, без возможности вскоре вернуться в деревню Лицзяцунь. Не брать же с собой в дорогу собак и коров!

Вспомнив о своре глуповатых псов, Шэнь Цинжань подумал, что пора бы подыскать им подружек.

Картофель и батат тоже подбирались к поре созревания, так что первым делом следовало распланировать их посев на следующий сезон.

...

Вечером Сюэ Цзиньфэн достал из кармана охапку целебных трав, которые набрал сегодня в горах. В глухом захолустье разнообразия растений не водилось, отчего их лечебный эффект оставлял желать лучшего.

Впрочем, оно и к лучшему: поспешишь — людей насмешишь. Следует постепенно восполнять жизненную энергию, одновременно укрепляя тело и очищая каналы-меридианы. К тому же, действуй он чересчур явно, брат сразу обо всем догадается.

Сюэ Цзиньфэн сварил чашу горького, вяжущего отвара и, поразмыслив, не решился отнести её брату напрямую. Его уловки не утаишь от проницательного взора Сюэ Фэйфэна.

Он окликнул Шэнь Цинжання, собирающегося войти в комнату:

— У брата Ли старые раны. Сегодня я заметил, как он растирал колено — видимо, устал от долгой ходьбы. Я набрал в горах немного трав, помоги мне отнести ему отвар.

Шэнь Цинжань на мгновение удивился, с чего бы князю проявлять такую заботу о Сюэ Фэйфэне, однако его внимание быстро переключилось на старые раны. Он с тревогой спросил Сюэ Цзиньфэна:

— Ему больно? А дальше не станет хуже?

Сюэ Цзиньфэн с улыбкой ответил:

— Ничего страшного. Попьет дня четыре-пять — и болезни как не бывало! Лекари наверняка выписывали ему и другие снадобья, да только за те несколько дней, что я здесь, я ни разу не видел, чтобы он их принимал. Должно быть, лень возиться с варкой.

Сюэ Цзиньфэн прознал о том, что Сюэ Фэйфэн некогда хромал, и с беспокойством выпытал у него все подробности. Он выяснил даже то, что ноги брата давно зажили, а гора выписанных лекарств так и осталась недопитой.

Шэнь Цинжань вспомнил кучу снадобий в шкафу. Прежде он уже спрашивал Сюэ Фэйфэна о них, но тот лишь отмахнулся. Надо же, Сюэ Фэйфэн посмел пренебречь предписаниями лекаря!

Шэнь Цинжань взял пиалу с отваром и нетерпимым к возражениям тоном вложил ее в руки Сюэ Фэйфэна:

— Пей давай!

Сюэ Фэйфэн:

— Что это?

— Ты ведь так и не допил снадобье от травмы ноги? — Шэнь Цинжань одарил его строгим взглядом. — Это Цзиньфэн для тебя сварил.

— Я давно здоров, не беспокойся.

Сюэ Фэйфэн обнял обеспокоенного Шэнь Цинжання. Два дня назад, заметив в кладовой инвалидное кресло, Сюэ Цзиньфэн устроил настоящий допрос, выведав все от способов лечения до конкретных рецептов, и даже высчитал курс приема, назначенный божественным лекарем.

Тогда он уже все объяснил — с чего бы тот снова ворошил прошлое, да еще и побежал жаловаться Шэнь Цинжаню?

Шэнь Цинжань прикоснулся языком к краю пиалы, попробовал капельку и, отбросив совесть, соврал:

— Вовсе не горчит, пей быстрее!

Любое лекарство — отчасти яд, но Сюэ Фэйфэн не успел его остановить.

— Я не горького вкуса боюсь.

Сюэ Фэйфэн мог бы попросту приказать брату замолчать, но перед Шэнь Цинжанем ему оставалось лишь покорно выпить отвар.

Сделав один глоток, он нахмурился — вкус отвара казался странным.

— Это взято не из шкафа?

Шэнь Цинжань кивнул:

— Это свежие травы, Цзиньфэн сам собрал их в горах.

Ничего не заподозрив, Сюэ Фэйфэн допил все до капли. Ночью, обнимая Шэнь Цинжана во сне, он весь покрылся потом.

На следующее утро Сюэ Фэйфэн позвал брата к себе:

— Цинжань отпил глоток того снадобья. Это ему не навредит?

Надо же, даже лекарство они умудряются пить на пару! В глазах Сюэ Цзиньфэна вспыхнул озорной огонек любопытства:

— А как именно он его пил? Расскажи подробнее, чтобы я мог судить.

Глянув на несерьезное лицо брата, Сюэ Фэйфэн потерял всякое желание продолжать разговор.

Глядя вслед удаляющемуся брату, Сюэ Цзиньфэн тихо пробормотал:

— Да хоть всю пиалу осуши, ничего не будет.

Шэнь Цинжань стал невероятно приветлив с Сюэ Цзиньфэном. Каждый день, как только подходило время, он лично следил за тем, как тот варит отвар, проявляя куда больше рвения, чем сам «лекарь».

Великий генерал осушал чашу залпом и всякий раз ощущал нарастающий жар внутри. Причину этого раздражения он списывал на то, что младший братец слишком долго засиделся в доме и уже мозолил ему глаза.

Сюэ Цзиньфэн тайно подсчитал дни и решил, что завтра отправится за пределы гор поболтать с братьями Чан.

...

Сюэ Цзиньфэн и Сюэ Фэйфэн о чем-то толковали в комнате — судя по всему, о военных делах. Шэнь Цинжана подобные темы никогда не привлекали, иначе еще в прошлой жизни он отправился бы на службу вслед за отцом и братьями, пусть даже и в составе художественной труппы.

Воспользовавшись тем, что на него никто не обращал внимания, Шэнь Цинжань вышел осмотреть окрестности. Он вознамерился засадить каждый пригодный клочок земли в деревне Лицзяцунь, не тратя впустую ни единого вершка почвы. Везде, где бы он ни проходил, оставались бесчисленные крошечные семена, ожидающие весеннего дождя, чтобы пустить ростки и стать радостной неожиданностью для какого-нибудь путника.

Две ивы расправляли ветви на ветру, издали напоминая клубящуюся дымку зеленого тумана. Прогуливаясь вдоль речушки, Шэнь Цинжань внезапно заметил поросшую бурьяном земляную могилу. Перед ней ничком лежал человек, чьи черные сапоги были сплошь испачканы желтой глиной — казалось, он преодолел затяжной путь через леса и горы и рухнул здесь без сил.

Если бы не люди, вспахивающие поле на желтых волах вдаль, Шэнь Цинжань решил бы, что столкнулся с призраком. Убедившись, что грудь лежащего мерно вздымается, Шэнь Цинжань осторожно подошел ближе.

— Эй, вы в порядке?

— Проснитесь?

Незнакомец шевельнулся и медленно очнулся, но даже не взглянул на Шэнь Цинжаня. Покорно опустившись на колени, он трижды ниц ударился головой перед земляным холмом. Праздник Цинмин еще не наступил, однако он, подобно скитальцу, преодолевшему тысячи верст ради родных пенат, с глубокой скорбью разгребал сухие сучья, вознамерившись расчистить могилу голыми руками.

Бурьян на могильном холме буйно разросся с приходом весны, махом перегнав человеческий рост. Под ним покоились засохшие стебли прошлых зим, из года в год образуя плотный пласт — судя по всему, к этому месту не прикасалась рука человека уже много лет.

Шэнь Цинжань, тронутый его сыновней почтительностью, сочувственно произнес:

— У меня дома есть мотыга и топор, может, вам...

Он осекся на полуслове.

Стоило незнакомцу раздвинуть двухметровые камыши перед холмом, как открылась надгробная плита, вытесанная из ровного камня. Имен усопших, высеченных сверху, Шэнь Цинжань не знал, однако пять кривых иероглифов в самом низу были известны ему как ничто другое:

«Непочтительный сын Ли Фэн».

Это же могила родителей Ли Фэна! Будь они живы, ему, пожалуй, следовало бы звать их батюшкой и матушкой... И надо же, он понятия не имел, что они покоятся именно здесь!

В его голове вихрем пронеслись воспоминания прошлых дней. Грудь Шэнь Цинжаня тяжело вздымалась, но спустя некоторое время ему удалось взять себя в руки. Он произнес почти с холодным спокойствием:

— Кто вы такой? Почему я раньше не видел вас в деревне?

Человек стоял спиной и так и не обернулся. Услышав вопрос, он лишь удрученно вздохнул:

— Да кем я еще могу быть, придя сюда? Прошло больше пяти лет, из деревенских я уж мало кого узнаю.

— Ли Фэн попросил вас прибраться на могиле?

— А? — человек на мгновение оторопел. — Так я и есть Ли Фэн?

Шэнь Цинжань прикрыл глаза. Впрочем, душой он уже все понял — еще в ту секунду, когда разглядел надпись. Почерк Сюэ Фэйфэна был совсем иным: стремительным, размашистым, точно драконы и змеи, дышащим величию властелина. Шэнь Цинжань видел не так уж много написанных им слов, но даже одиночная черта могла поведать о многом.

С чего бы какому-то рядовому Ли Фэну водиться с главным героем? Похоже, Сюэ Фэйфэн и являлся тем самым генералом.

Шэнь Цинжань напряг память, но так и не смог вспомнить имя генерала-пушечного мяса. Как смешно: он даже не знал имени человека, который твердил, будто будет любить его всю жизнь!

Значит, и эти клятвы были ложью? В конце концов, их произносил «Ли Фэн» — стоило покинуть деревню Лицзяцунь, и эти слова потеряли бы всякий смысл?

— Неудивительно, что ты меня не знаешь, — Ли Фэн взглянул на Шэнь Цинжаня. — Спасибо тебе. Не стоит беспокоиться, я схожу домой за инструментом. У меня ведь тоже есть дом... Помню, там что-то было, правда, не ведаю, сгодится ли еще.

У Шэнь Цинжаня перехватило дыхание, и он не решился поднять на него взгляд.

И как теперь объясниться? Скажешь ли, что твое имя заграбастал другой, а сам Шэнь Цинжань вместе с Сюэ Фэйфэном заняли твой дом? Захватили чужое гнездо, да еще и разыграли нелепую комедию о «превращении девицы в юношу».

Абсурд, которому нет оправдания.

Шэнь Цинжань сгорал от стыда, его лицо залил густой пунцовый румянец:

— Я знаю, где твой дом. Пойдем, я провожу тебя.

Ли Фэн в изумлении вскинул на него взгляд, в его глазах промелькнул странный блеск, а опущенная правая рука незаметно согнулась в когтистый захват.

— Цинжань! — низкий, бархатистый голос оборвал движение Ли Фэна.

Сюэ Фэйфэн окликал его со двора, и его голос раздавался совсем неподалеку.

— Иду! — кое-как отозывался Шэнь Цинжань. Желая сохранить хоть какие-то приличия, он повернулся к Ли Фэну: — Кое-что произошло... Мы поговорим, когда придем к тебе домой.

Ли Фэн мгновение колебался, после чего последовал за ним.